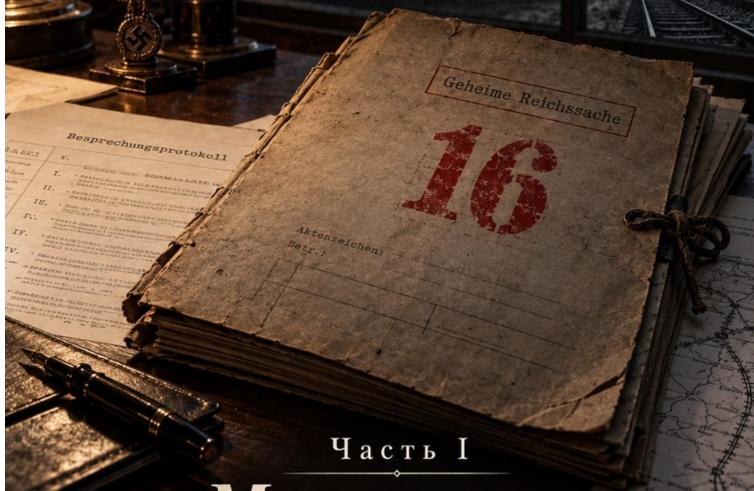

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР

Шестнадцатый экземпляр

Часть I

Механизм

Аксель Панцер Шестнадцатый экземпляр. Механизм

<https://litres.ru/74577754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Январь 1942 года. В Ваннзее за закрытыми дверями проходит совещание, на котором языком протоколов и ведомственных формул обсуждается судьба миллионов людей. Один из тридцати экземпляров этого документа — шестнадцатый - исчезает в недрах германских архивов.

Но история романа - не только о документе. Это история берлинской еврейской семьи Розенфельдов, отправленной в Ригу, история молодой Ханны, пытающейся сохранить имена тех, кого система превращает в безличные цифры, и история чиновника Эрнста Келлера, который слишком поздно понимает, чему служит его работа.

Историко-психологический роман о памяти, вине, свидетельстве и человеческом имени, которое оказывается сильнее протокола.

Аксель Панцер

Шестнадцатый

экземпляр. Механизм

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Историко-психологический роман

Аксель Панцер

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕХАНИЗМ

Главы 1–35

Содержание

Часть первая — «Механизм»

Глава 1. Пятнадцать приборов 1

Глава 2. Приглашение 8

Глава 3. День, которого не было 15

Глава 4. Список 22

Глава 5. Исключения 31

Глава 6. Накануне 39

Глава 7. За закрытой дверью 46

Глава 8. Протокол 52

Глава 9. Маршрут 58

Глава 10. Состав 65

Глава 11. На Восток	72
Глава 12. Отбор	79
Глава 13. Те, кого оставили	86
Глава 14. Обратного адреса нет	91
Глава 15. То, что осталось	96
Глава 16. Румбула	102
Глава 17. Номер шестнадцать	109
Глава 18. Следующий поезд	115
Глава 19. Пустое место	120
Глава 20. Двадцать седьмое мая	125
Глава 21. Четвёртое июня	130
Глава 22. Фамилия Розенфельд	134
Глава 23. Лето без писем	140
Глава 24. За проволокой	145
Глава 25. Расплата	150
Глава 26. Письмо Карла	160
Глава 27. Год	166
Глава 28. Шестнадцатое февраля	171
Глава 29. Фабричная акция	175
Глава 30. Розенштрассе	180
Глава 31. Исключения	186
Глава 32. Кайзервальд	201
Глава 33. Номер	222
Глава 34. Подкладка	240
Глава 35. Ликвидация	258

Глава 1

Пятнадцать приборов

Ваннзее, 20 января 1942 года

Утро начиналось с огня. Фридрих Бергер пришёл в гостевой дом Службы безопасности ещё затемно, когда озеро за окнами не было видно совсем — только чёрная пустота между голыми деревьями и редкие отблески фонарей на снегу. Мороз за ночь усилился. Ступени у главного входа блестели тонкой коркой льда, и Фридрих, прежде чем войти, несколько раз провёл сапогом по краю нижней ступени, проверяя, не поскользнётся ли кто-нибудь из гостей.

В доме было холодно. Пахло вчерашним воском, штукатуркой, дровами и чуть сыроватой мебелью. Большие комнаты за ночь выстыли, и даже ковры казались жёсткими от холода. Фридрих снял пальто, повесил его в служебной прихожей и первым делом пошёл в большой зал. Там уже был управляющий — стоял у окна, потирая ладони, и недовольно смотрел на едва тёплые батареи.

— Начинайте с камина, — сказал он. — И чтобы к девяти здесь было тепло.

Фридрих ничего не ответил. Он и сам знал порядок. Принёс поленья, встал на колени перед камином, подложил щепу. Дрова долго не хотели разгораться, шипели и выпускали белый дым. Пришлось прикрыть заслонку и несколько раз раздуть огонь. Когда наконец появилось ровное пламя, он

поднёс руки и задержался так дольше, чем позволяла работа. К семи часам дом постепенно ожил. В кухне загремела посуда. Фрау Крюгер проверяла продукты и ворчала на поставщика, который снова привёз меньше масла, чем было указано. Молодая помощница чистила картофель, слишком толсто снимая кожуру.

— Ты выбрасываешь половину продукта, — сказала фрау Крюгер. — Сейчас не тридцать восьмой год.

— Я стараюсь тонко.

— Старайся ножом, а не словами.

Фридрих прошёл мимо с корзиной поленьев.

— Доброе утро.

— Доброе будет, если они закончат вовремя, — ответила кухарка. — Ты знаешь, сколько их?

— Пятнадцать.

— Тогда почему заказали еды будто на двадцать пять?

— Чтобы не закончилась.

— А потом скажут экономить.

Она сказала это без особого раздражения. В доме все привыкли одновременно исполнять распоряжения и ругать их на кухне. В большом зале управляющий уже проверял стол. Провёл пальцем по краю, посмотрел на белую перчатку и велел ещё раз протереть серебро.

— Пятнадцать, — сказал он.

Фридрих пересчитал тарелки.

— Пятнадцать.

— Стулья тоже.

— Я считал.

— Посчитайте ещё раз.

Фридрих прошёл вдоль длинного стола: один, два, три... пятнадцать. На белой скатерти стояли бокалы, чашки для кофе, маленькие тарелки для холодных закусок. Салфетки были сложены одинаково, ножи лежали справа под одним углом. Всё выглядело как подготовка к деловому обеду состоятельных людей. Никаких флагов, никакой торжественности. Только порядок. Управляющий заметил вазу с зимними цветами в середине стола.

— Уберите.

— Почему? — спросил Фридрих.

— Мешает обзору.

Ваза исчезла. На её месте осталось круглое светлое пятно на скатерти. Фридрих машинально провёл ладонью рядом, будто пятно тоже требовало исправления, но ткань была чистой. На кухне фрау Крюгер составляла поднос.

— Сначала холодное, потом горячее. Кофе после совещания. Чай тоже приготовить. Коньяк поставить в малой гостиной.

— Долго будут заседать? — спросила помощница.

— Мне не докладывают.

Фридрих усмехнулся.

— Может, до вечера.

— Тогда пусть предупреждают. Я не собираюсь трижды

разогревать мясо.

Все заботы утра были именно такими: не пересушить горячее, не забыть запасные салфетки, проверить температуру в комнатах, расчистить ступени, чтобы гости не поскользнулись, наполнить графины, занести уголь. Дом был приспособлен к тому, чтобы превращать любое событие в последовательность действий.

Около девяти стало светлее. За окнами проступило озеро — серое, неподвижное, с тонкой полосой льда у берега. Снег лежал на балюстраде, на ветвях, на дорожке к воротам. Фридрих на минуту задержался у окна. Летом здесь было красиво. Он бывал на Ваннзее с женой ещё до войны: дешёвое кафе у воды, лодки, дети с бумажными пакетами сладостей, запах тёплой древесины пристани. Тогда он не знал этот дом изнутри и не думал, кому он принадлежал раньше и кому будет принадлежать потом. Это был просто один из богатых домов у озера.

— Бергер! — позвал управляющий.

Фридрих отступил от окна.

— Иду.

Первый автомобиль показался раньше назначенного времени. Потом второй. Машины останавливались у входа, двери открывались, гости поднимались по ступеням, отряхивая снег с шинелей и пальто. Фридрих принимал головные уборы и перчатки, передавал их помощнику, запоминал владельцев по внешности, чтобы потом не перепутать. Неко-

торые лица он узнавал по газетам, другие видел впервые. Один из прибывших был молод для человека такого положения: сухое лицо, внимательный взгляд, быстрые движения. Управляющий изменился в лице, сам вышел навстречу и заговорил особенно почтительно. Только тогда Фридрих понял, что перед ним Гейдрих.

— Доброе утро, — сказал тот, отдавая перчатки.

Голос был спокойный. Ничего особенного. Эйхман выглядел иначе — настолько обычно, что Фридрих потом с трудом мог бы описать его отдельно от других. Он прошёл в зал с папкой под мышкой, почти сразу раскрыл её и начал раскладывать бумаги по местам. Несколько листов были уже размножены. Один сотрудник помогал ему проверять комплекты. Гости здоровались друг с другом, снимали пальто, обсуждали дорогу. Кто-то пожаловался на мороз. Другой попросил кофе ещё до начала. Третий спросил, можно ли курить.

— После заседания, господин государственный секретарь, — ответил управляющий. — В малой гостиной.

— Даже здесь дисциплина, — усмехнулся гость.

Кто-то засмеялся. Фридрих принёс кофе и подумал, что люди в хорошем настроении. Один рассказывал о заторе на дороге, другой шутил о том, что война научила министерства собираться раньше обычного. В прихожей слышался обычный шум деловой встречи: голоса, кашель, щёлканье портсигаров, короткие приветствия. К десяти часам пятна-

дцать стульев перестали быть пустыми. Двери закрылись. Фридрих остался в коридоре. Из зала доносились голоса, но слов он почти не различал. Иногда один говорил дольше остальных, затем несколько человек отвечали сразу. Слышался скрип стула, шелест бумаги, звон стекла. Через некоторое время его позвали добавить воды.

Он вошёл тихо. На столе лежали карты и таблицы. Один лист был повернут к нему вверх ногами, и он увидел длинные столбцы цифр. На другом — названия стран. Он не пытался читать. Это было не его дело. Налил воду, заменил пустой графин и вышел. Когда дверь закрывалась, он услышал обрывок фразы — что-то об «эвакуации на Восток». Слова показались привычными. Эвакуации обсуждали постоянно: предприятия, население, учреждения, военнопленных. Фридрих не задержал на них внимания.

В кухне фрау Крюгер спросила:

— Скоро?

— Не знаю.

— Мясо ждать не умеет.

— Пусть подождёт.

Она посмотрела на него так, будто он сказал глупость.

— Мясо всегда достаётся тому, кто его переждал.

К полудню совещание продолжалось. Снаружи садовник сгребал свежий снег. В доме пахло кофе и жареным мясом. На кухне спорили, когда подавать горячее. В коридоре лежали пятнадцать пальто, и с некоторых ещё капала талая вода.

Фридрих один раз переставил ботинки, оставленные возле отопления, чтобы кожа не потрескалась.

Когда участники наконец вышли из зала, никакого ощущения важного события не возникло. Люди разминали ноги, кто-то сразу попросил сигарету. Двое продолжали спорить вполголоса уже в коридоре. Эйхман собирал бумаги быстрее остальных. Один из гостей спросил, что сегодня на обед, другой заметил, что успеет вернуться в министерство к середине дня. Фрау Крюгер получила сигнал подавать.

— Наконец-то, — сказала она.

Тарелки наполнились едой. Фридрих носил блюда, убирал пустую посуду, подливал кофе. Он видел, как за столом улыбаются, как кто-то рассказывает историю, вызвавшую смех у нескольких соседей. Позже, вспоминая этот день, он будет снова и снова возвращаться именно к этому: не к лицам, не к фамилиям, даже не к закрытым дверям, а к тому, насколько обычным был обед. Тогда же он думал о другом. Успеет ли вечером на электричку. Останется ли в лавке картофель. Не забыла ли жена попросить соседа посмотреть кран на кухне. Рабочий день ещё не закончился, а после гостей нужно было убрать зал, пересчитать серебро, сменить скатерть, проветрить комнату.

Когда последний автомобиль уехал, Фридрих вернулся к столу. На белой ткани остались крошки, кофейные круги, несколько пятен соуса. Один стул стоял дальше от стола, чем остальные.

— Считайте приборы, — сказал управляющий.

Фридрих снова прошёл вдоль стола. Один, два, три... пятнадцать. Все были на месте. За закрытой дверью несколько часов говорили о судьбе миллионов людей. Фридрих этого не знал.

Для него 20 января 1942 года оставался холодным вторником, рабочей сменой и пятнадцатью приборами, которые следовало вымыть, пересчитать и убрать до следующего распоряжения.

Глава 2

Приглашение

Берлин, 29 ноября 1941 года

Эрнст Келлер пришёл в Министерство иностранных дел в восемь без пяти. Он любил эти несколько минут до начала рабочего дня: коридоры ещё не наполнялись голосами, телефоны звонили редко, секретари не приносили бумаги со словами «срочно» и «немедленно». Можно было спокойно снять пальто, поставить портфель под стол, открыть журнал входящей корреспонденции и убедиться, что вчерашние записи сделаны ровно. Он поправил чернильницу, переложил карандаши и только после этого налил кофе из термоса.

Кофе оказался особенно плохим. Эрнст сделал глоток и поморщился.

— Опять заменитель? — спросила фрау Шмидт, входя в кабинет.

— Если бы это было заменителем кофе, он хотя бы напоминал бы кофе.

— Вы слишком требовательны к военному времени.

Она сняла пальто, поправила волосы перед маленьким зеркалом, приколотым к внутренней стороне шкафа, и села за машинку. Фрау Шмидт работала быстро, почти не глядя на клавиши, и Эрнст иногда ориентировался по её машинке вместо часов: если стук начинался ровно в восемь, значит, день идёт нормально. Он открыл блокнот. Вверху страницы стояло: «картофель», ниже — «масло», затем — «Вилли — шоколад». Последнее слово было подчёркнуто дважды.

Через неделю сыну исполнялось семь лет. Грета уже сказала, что шоколад найти почти невозможно. Эрнст всё равно пообещал попробовать. Он знал две лавки, где иногда появлялись довоенные запасы, и собирался зайти туда после работы.

— У вас сегодня государственная задача? — спросила фрау Шмидт, заметив список.

— Самая важная.

— Картофель?

— Шоколад.

— Тогда желаю успеха. Министерство иностранных дел вам не поможет.

— В этом я уже убедился.

Она усмехнулась и вставила лист в машинку. Первые часы прошли обычно. Телеграмма из посольства. Служебная

записка. Запрос о визе. Два документа, возвращённые из-за неправильной регистрации. Один звонок от раздражённого чиновника, который требовал бумагу, отправленную не в тот отдел. Эрнст нашёл её за семь минут и получил сухое «благодарю», в котором благодарности не было. В девять двадцать принесли срочную почту. Курьер положил на стол несколько конвертов, расписался в журнале и ушёл. Среди обычной переписки находился пакет из Главного управления имперской безопасности. Адресат: статс-секретарь Мартин Лютер.

Эрнст проверил отметки, вскрыл внешний конверт в установленном порядке и просмотрел сопроводительное письмо. Взгляд зацепился за формулировку: «...совещание по вопросу окончательного решения еврейского вопроса...» Он прочёл ещё раз. Дата — 9 декабря. Место — гостевой дом Службы безопасности в Берлине. К приглашению прилагалась копия поручения Геринга от 31 июля, на основании которого Рейнхард Гейдрих должен был подготовить необходимые организационные и материальные меры для «общего решения».

— Что там? — спросила фрау Шмидт.

— Приглашение.

— На что?

Эрнст не сразу ответил.

— Совещание.

— Очень содержательно.

Он перевернул страницу.

— Межведомственное.

— Тогда ещё содержательнее.

Она продолжила печатать, но через несколько секунд всё-таки спросила:

— По чему?

— По еврейскому вопросу.

Стук клавиш на мгновение прервался.

— Опять?

— Видимо.

В последние годы подобные бумаги встречались всё чаще. Ограничения. Регистрация. Переселение. Конфискация имущества. Правила для смешанных браков. Служебные вопросы, которые сначала казались временными, постепенно становились отдельной административной областью. Эрнст снова посмотрел на выражение «окончательное решение».

— Странно написано, — сказал он.

— Что именно?

— «Окончательное».

Фрау Шмидт подняла глаза.

— Чиновники любят окончательные решения. Потом к ним выпускают пять дополнений.

Эрнст улыбнулся.

— Верно.

И всё же формулировка оставила неприятное ощущение, которое он не смог сразу объяснить. Слова были канцелярскими, тяжёлыми и одновременно слишком широкими. В

документах всё чаще встречались выражения, позволявшие одному ведомству понять другое, не называя предмет полностью: «эвакуация», «особое обращение», «урегулирование», «переселение». Когда работаешь с бумагами каждый день, быстро перестаёшь спрашивать, что находится за термином. Важно другое: правильно определить отдел, поставить номер, не потерять приложение, вовремя отправить адресату.

Эрнст занёс документ в журнал: «Приглашение на межведомственное совещание по еврейскому вопросу». Этого было достаточно. Журнал не требовал повторять всю формулировку. Он поставил номер входящего документа, дату и передал пакет дальше. Через пять минут на его стол легла новая бумага. Приглашение перестало занимать руки. Мысли задержались немного дольше.

— Девятое декабря, — сказал он сам себе.

Фрау Шмидт услышала.

— Что там девятого?

— Совещание.

— А. Ваше окончательное решение.

— Не моё.

— Тем лучше.

Она сказала это легко, и разговор закончился. К полудню кабинет наполнился обычным служебным шумом. Телефоны, шаги в коридоре, сухие голоса, запах табака из соседней комнаты. Эрнст обработал несколько десятков документов. Каждый получал номер, краткое описание и дальней-

ший маршрут. Так он работал много лет. Событие приходило в конверте, превращалось в две строки журнала и уходило в папку. Война существовала здесь в основном именно так. Телеграмма сообщала о движении войск. Нота — о позиции правительства. Список — о фамилиях. Распоряжение — о том, что отныне следует делать иначе.

Бумага снимала с события шум, запах, холод. Оставляла только сведения, с которыми можно было работать. После обеда Эрнст дважды пытался дозвониться в одну из лавок насчёт шоколада. Никто не отвечал.

— Государственная задача под угрозой, — заметила фрау Шмидт.

— Пока нет.

— Так говорят обо всех провальных операциях.

— Вы сегодня особенно бодры.

— Потому что у меня нет семилетнего сына, которому я пообещала шоколад.

Вечером Эрнст вышел из министерства уже в темноте. В одной лавке шоколада не было. В другой продавщица посмотрела на него так, словно он попросил ананас.

— Если появится, к Рождеству, — сказала она.

— Мне нужно раньше.

— Всем нужно раньше.

Он купил картофель и пошёл домой. Вилли встретил у двери.

— Нашёл?

— Что?

Мальчик возмущённо посмотрел.

— Ты обещал.

Эрнст вспомнил.

— Шоколад.

— Да.

— Пока нет.

— Значит, завтра.

— Значит, попробую завтра.

— Нет. Ты сказал «завтра».

Грета выглянула из кухни.

— Не давай обещаний, которые не можешь выполнить.

— Я сказал «попробую».

— Он слышал только то, что хотел.

Вилли недовольно ушёл в комнату, волоча за собой деревянный грузовик. За ужином говорили о ценах, карточках и соседском мальчике, который разбил окно футбольным мячом. Грета жаловалась, что масло снова выдали меньше положенного. Вилли спорил, что морковь в супе можно не есть, если человек её не любит.

— Нельзя, — сказала Грета.

— Почему?

— Потому что я её туда положила.

— Это не причина.

Эрнст засмеялся.

— Плохое влияние отца, — сказала Грета.

— Я вообще молчу.

— Вот именно.

После ужина Вилли принёс школьную тетрадь и заставил отца смотреть, как он пишет цифру семь. Эрнст исправил одну, слишком наклонённую.

— Она и так семь.

— Но должна быть аккуратной.

— Почему?

— Чтобы потом самому понимать, что написал.

— Я понимаю.

Грета, убирая посуду, сказала:

— Иногда мне кажется, вы оба работаете в одном министерстве.

Позднее, когда Вилли лёг, Эрнст сидел на кухне с газетой. В сводках говорили о фронте, о действиях союзников, о положении под Москвой. Грета штопала носок и спросила:

— На работе что-нибудь новое?

— Обычный день.

Это было правдой. Укладываясь спать, он на несколько секунд вспомнил тяжёлую формулировку из утреннего приглашения. «Окончательное решение». Он подумал, что чиновники РСХА любят большие слова. Потом вспомнил, что завтра нужно снова зайти в лавку ради шоколада, и мысль исчезла. Документ уже лежал в чужом кабинете. Эрнст не видел причин возвращаться к нему мысленно.

Глава 3

День, которого не было

Берлин, 9 декабря 1941 года

День совещания наступил — и совещания не было. Утром Эрнст получил уведомление о переносе. Новая дата не указывалась. Причина тоже. Он сравнил номер с первоначальным приглашением, сделал соответствующую пометку в журнале и подшил бумагу в папку.

— Вот и всё? — спросила фрау Шмидт.

— Что?

— Столько срочности, а теперь отменили.

— Перенесли.

— Без даты это почти одно и то же.

Эрнст пожал плечами. Последние дни меняли мир быстрее, чем чиновники успевали перепечатывать документы. 7 декабря японские самолёты атаковали американскую базу в Пёрл-Харборе. Теперь в министерских коридорах обсуждали Соединённые Штаты, позицию Рузвельта, обязательства перед Японией, возможные дипломатические последствия. Телефоны звонили чаще обычного. Курьеры почти бегали. Совещание по «еврейскому вопросу» на этом фоне действительно могло подождать.

Фрау Шмидт смотрела на подшитую бумагу.

— Вы расстроены?

— Почему я должен быть расстроен?

— Вы уже привыкли к своему загадочному совещанию.

— Я о нём почти не думал.

— Конечно.

Она сказала это так, будто не поверила, хотя Эрнст говорил правду. Он действительно почти не думал. Приглашение было одной из многих бумаг. Даже странная формулировка за десять дней успела стереться под слоем других документов. Через два дня Германия объявила войну Соединённым Штатам. Эрнст слушал речь по радио в служебной комнате вместе с несколькими сотрудниками. Никто не разговаривал. Один мужчина стоял, скрестив руки, другой курил почти без перерыва. Когда передача закончилась, кто-то сказал:

— Теперь война действительно стала мировой.

Фрау Шмидт ответила:

— А раньше, по-вашему, была местной неприятностью?

Мужчина недовольно посмотрел, но промолчал. В тот день Эрнст допоздна регистрировал новые телеграммы. Привычная карта мира становилась всё менее похожей на школьный атлас, где государства спокойно лежали рядом, разделённые тонкими цветными линиями. Дома Вилли уже ждал у стола с раскрытым атласом.

— Папа, покажи Америку.

— Сейчас?

— Ты сказал после ужина.

Грета поставила на стол суп.

— Сначала еда. Америка никуда не денется.

После ужина Эрнст всё-таки раскрыл атлас. Вилли за-

брался коленями на стул и водил пальцем по Европе.

— Вот мы?

— Да.

— А Америка?

Эрнст перевернул страницу.

— Здесь.

Мальчик нахмурился.

— Так далеко?

— Очень.

— Тогда зачем мы с ними воюем?

Грета, вытиравшая чашки, остановилась. Эрнст посмотрел на сына.

— Потому что взрослые иногда принимают очень сложные решения.

— А если неправильные?

Грета перевела взгляд на мужа. Эрнст закрыл атлас.

— Ешь яблоко.

— Я уже съел суп.

— Тогда просто ешь яблоко.

Вилли понял, что ответа не будет. Но вопрос остался в комнате даже после того, как он ушёл играть.

— Очень сложные решения? — тихо повторила Грета.

— А что я должен был ему сказать?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Она поставила чашку в шкаф.

— Иногда полезно так и говорить.

В другом конце Берлина Исаак Розенфельд стоял в очереди за хлебом. Было холодно. Жёлтая звезда на пальто была пришита ровно. Накануне Рут ещё раз проверила нитки: один край начал распускаться. Исаак сказал, что это неважно. Жена ответила, что теперь всё важно. Он стоял в очереди уже сорок минут. Перед ним — женщина с девочкой лет восьми, за ним — пожилой мужчина, который каждые несколько минут смотрел на дверь лавки. Люди почти не разговаривали. Мороз заставлял переминаясь с ноги на ногу, прятать руки в рукава.

Кто-то впереди сказал, что хлеб закончится раньше, чем очередь дойдёт до конца.

— Каждый день одно и то же, — вздохнула женщина рядом.

Исаак ничего не ответил. Раньше в очереди он обязательно заговорил бы. Обсудил погоду, цены, газетную статью, может быть, чей-то заказ в типографии. Теперь разговоры становились осторожнее. Люди не знали друг друга достаточно хорошо, чтобы быть уверенными, какие слова можно произносить. Типография почти не работала. Заказов стало мало. Часть клиентов исчезла. Некоторые старые знакомые переходили на другую сторону улицы, если видели Исаака издали. Другие, наоборот, здоровались слишком громко, словно хотели доказать самим себе, что ничего не боятся.

Хуже всего была не враждебность. К ней можно было под-

готовиться. Тяжелее было видеть, как человек, с которым десять лет спорил о качестве бумаги, вдруг начинает рассматривать витрину, лишь бы не встретиться глазами. Хлеб Исаак всё-таки получил. Дома Ханна сидела у окна с книгой. Ей было семнадцать. Ещё год назад её занимало, какие предметы она будет сдавать дальше и удастся ли убедить отца разрешить ей работать в типографии. Она любила запах краски, свинцовых литер и влажной бумаги. Исаак утверждал, что типография — место грязное и неженское. Ханна отвечала, что бумага не знает, мужчина её печатает или женщина.

Теперь планы стали короче. Рут принесла чай.

— Отец ещё не пришёл?

— Нет.

— Опять очередь.

Йонас строил на полу железную дорогу из деревянных кубиков. Настоящего набора у него не было, зато был маленький паровоз с двумя вагонами. Одно колесо на заднем вагоне держалось на тонкой проволоке — отец починил его несколько месяцев назад. Колёса скрипели, и Йонас уверял, что это делает игру более настоящей.

— Все настоящие поезда скрипят, — говорил он.

— Ты много настоящих поездов водил? — спрашивала Ханна.

— Нет. Но слышал.

— Тогда ты эксперт.

— Конечно.

Он произносил это настолько серьёзно, что она засмеялась. Ханна закрыла книгу.

— Мама, война когда-нибудь закончится?

Рут поставила чашку.

— Конечно.

— Откуда ты знаешь?

— Всё когда-нибудь заканчивается.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Ханна посмотрела на улицу. Прошла женщина с корзиной. Потом мужчина в форме. Напротив мальчик несколько минут пытался отколоть лёд от водосточной трубы.

— Иногда мне кажется, хуже всего не когда что-то происходит.

— А когда?

— Когда ничего не происходит. Каждый день ждёшь и не знаешь, чего именно.

Рут села напротив.

— Поэтому надо жить сегодня.

— Это звучит как фраза из книги.

— Хорошие фразы иногда полезны.

— А плохие?

— Плохие особенно любят печатать в газетах.

Ханна улыбнулась. Ионас поднял голову.

— А что будет сегодня?

— Ужин, — сказала Рут.

— Кроме ужина?

— Отец придёт.

— А после?

— Ты ляжешь спать.

— Очень скучный день.

— Радуйся.

Через полчаса дверь открылась. Исаак вошёл, держа хлеб под пальто, словно что-то особенно ценное.

— Есть, — сказал он.

Йонас сразу подбежал.

— Много?

— Столько, сколько положено.

Рут взяла свёрток.

— Замёрз?

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

Она сняла с него пальто и заметила, что нитка на звезде снова ослабла.

— Я же говорила.

— Завтра пришьём.

— Сегодня.

Исаак покорно кивнул. В министерстве в это же время Эрнст закрывал журнал и собирался домой. На странице напротив 9 декабря стояло короткое: «перенесено». День, назначенный для совещания, прошёл как обычный рабочий

день. Недели спустя, 8 января 1942 года, пришло новое приглашение. Совещание назначалось на 20 января. Место уточнялось: гостевой дом полиции безопасности и СД на Большом Ванзее. Начало — десять утра. Эрнст сравнил оба документа.

— Вернулось? — спросила фрау Шмидт.

— Что?

— Ваше совещание.

Он кивнул.

— Двадцатого.

— Значит, всё-таки понадобилось.

До новой даты оставалось двенадцать дней. В доме у озера ещё стояли пустые стулья, камин был холодным, кухня не знала меню, а Фридрих Бергер не получил распоряжений. Пока событие снова существовало только в бумаге: дата, место, время и список тех, кто должен был приехать.

Глава 4

Список

Берлин, 13 января 1942 года

Исаак Розенфельд всегда считал, что список — вещь полезная. В типографии без списков невозможно было работать. Бумага, краска, заказы, фамилии клиентов, сроки, долги. Заказ господина Мюллера — двести приглашений. Аптека на углу — новые бланки. Три пачки плотной бумаги оставить для переплётчика. Получить краску до пятницы. Если

всё записано правильно, меньше вероятность забыть важное. Теперь Исаак всё чаще видел списки, от которых хотелось держаться подальше.

Уведомление пришло накануне. Семье предписывалось явиться для регистрации имущества и уточнения сведений. Рут прочитала дважды.

— Опять?

— Видимо, прежних сведений им мало.

— Что ещё можно уточнить?

Исаак сложил бумагу.

— Узнаем завтра.

Утром он надел лучший из оставшихся пиджаков. Рут стояла у шкафа и смотрела, как он застёгивает пуговицу.

— Это глупость.

— Почему?

— Ты идёшь отвечать на вопросы, а не на работу.

— Именно поэтому.

— Что это изменит?

Исаак поправил воротник.

— Ничего. Но мне будет спокойнее.

Ему хотелось выглядеть человеком, которого нельзя принять за беспомощного. Он понимал, насколько это наивно, и всё равно тщательно почистил ботинки. В помещении уже ждали несколько семей. Деревянные стулья стояли вдоль стены. Пахло мокрой одеждой и угольной печью. За столами сидели чиновники. Один листал карточки, второй зада-

вал вопросы, третий что-то сверял в папке. Людей вызывали по фамилиям. Исаак слушал одинаковые ответы вокруг.

Фамилия. Имя. Дата рождения. Адрес. Профессия. Состав семьи. Когда назвали Розенфельдов, он поднялся первым. Рут шла рядом. Ханну и Йонаса оставили дома у знакомой соседки — так было проще, хотя Ханна возмущалась, что её тоже касается регистрация. Чиновник даже не посмотрел на Исаака, пока тот не сел.

— Фамилия?

— Розенфельд.

— Имя?

— Исаак.

Вопросы шли один за другим. Бумага скользила под пером. Профессия.

— Печатник. Владел небольшой типографией.

— Владел?

Исаак сделал короткую паузу.

— Да.

Чиновник записал без комментария. Дальше имущество. Деньги. Ценности. Мебель. Радиоприёмник. Швейная машина. Книги.

— Сколько книг?

Исаак задумался, хотя знал точно. Тридцать семь. Вчера Ханна пересчитала дважды. Она снимала книги с полки и раскладывала по стопкам. Йонас мешал и утверждал, что школьные учебники тоже считаются книгами. Ханна сказа-

ла, что считаются, и начала сначала.

— Тридцать четыре, — ответил Исаак.

Рут едва заметно повернула голову. Чиновник записал.

— Какие?

— Обычные домашние книги.

— Ценные издания?

— Нет.

— Религиозная литература?

— Немного.

— Перечень есть?

— Нет.

Чиновник наконец посмотрел на него.

— Следовало составить.

— В уведомлении не сказано.

Мужчина ещё секунду смотрел, затем опустил глаза.

— Следующий вопрос.

Исаак отвечал дальше, чувствуя странное облегчение. Три книги только что перестали существовать для государства. Это было смешно. Три книги ничего не меняли. Но именно поэтому маленький обман казался особенно важным. Всё вокруг требовало точности: адрес, возраст, количество комнат, стоимость мебели. Он позволил себе одну неточность. Когда вышли на улицу, Рут сразу сказала:

— Тридцать четыре?

— Да.

— Ты сошёл с ума.

— Возможно.

— Они могут проверить.

— Могут.

— И что тогда?

Исаак остановился.

— Тогда скажу, что ошибся.

— Ты никогда не ошибаешься в книгах.

— Значит, пора начать.

Рут хотела рассердиться, но вместо этого улыбнулась.

— Ханна будет довольна.

— Поэтому я и сделал.

Дома Ханна действительно спросила почти сразу:

— Ну?

— Что «ну»?

— Всё.

— Мы теперь официально существуем в нужном количестве экземпляров.

— Папа.

Рут сняла пальто.

— Твой отец решил сегодня стать преступником.

Ханна насторожилась.

— Что он сделал?

— Назвал тридцать четыре книги.

Ханна посмотрела на отца.

— Почему тридцать четыре?

— Потому что три мы не будем отдавать в список.

— Какие?

Исаак кивнул на полку.

— Выбирай.

— Я?

— Ты лучше всех знаешь книги.

Ханна растерялась. Пока книги были просто книгами, она легко могла назвать любимые. Когда нужно было спасти только три, каждая оставшаяся вдруг стала важной. Она провела пальцем по корешкам. Гёте. Гейне. Сборник сказок, который Рут читала ей в детстве. Отцовский справочник по печатному делу. Старый молитвенник бабушки. Роман, который она перечитывала прошлой зимой. Небольшая книга в синей обложке, которую носила с собой почти постоянно.

— Нельзя пять?

— Мы назвали тридцать четыре.

— А если я выберу две?

— Тогда государство получит подарок.

Ханна фыркнула. В конце концов она вытащила Гёте, Гейне и синюю книгу. Йонас следил, сидя на полу возле поезда.

— Почему эту? — спросил он, показывая на синюю.

— Потому что моя.

— Тогда мой поезд тоже не существует.

— Его никто не спрашивал.

— Всё равно. Если спросят, скажем, что нет.

Исаак улыбнулся.

— Договорились.

— И два вагона тоже.

— Особенно два вагона.

В тот же день в Министерстве иностранных дел Эрнст Келлер работал с другой таблицей. Она была подготовлена к предстоящему совещанию. Страны и количества. Числа шли столбцами, иногда настолько большими, что взгляд переставал воспринимать их как отдельные величины. Эрнст проверял машинописную копию с исходником. Работа была механической и требовала внимательности: одна пропущенная цифра могла изменить смысл документа. Фрау Шмидт оставилась возле стола.

— Здесь ошибка.

— Где?

Она показала строку. Пропущен ноль. Эрнст сравнил с исходником.

— Да.

Взял карандаш и дописал маленький овал. Число стало в десять раз больше. Несколько секунд он смотрел.

— Что? — спросила фрау Шмидт.

— Ничего.

— Вы опять задумались.

— Просто странно.

— Что?

— Один ноль.

Она пожала плечами.

— Для этого и проверяем.

Конечно. Для этого. Эрнст продолжил работу. Германия. Австрия. Франция. Нидерланды. Польша. Советский Союз. Другие страны. Он видел географию, переведённую в количество. Некоторые государства Германия даже не контролировала, но они тоже находились в таблице. Эрнст отметил это и решил, что составители работают с перспективой, а не только с текущим положением.

— Странный список, — сказал он.

Фрау Шмидт снова подошла.

— Почему?

— Слишком широкий.

Она посмотрела через плечо.

— Я бы не хотела отвечать за его составление.

— Я тоже.

Список был удобен именно тем, что люди в нём становились сопоставимыми. Не нужно было знать их имён, профессий, семей. Достаточно страны и количества. Эрнст не думал об этом как о жестокости. Это было обычным свойством административной работы. Любое министерство считало людей: население, военнообязанных, беженцев, рабочих, служащих. Число позволяло планировать транспорт, продовольствие, работу. И всё же вечером, вернувшись домой, он увидел Вилли за столом и вспомнил ноль.

Сын рисовал семью. Мать, отец, он сам. Фигуры были непропорциональными, у Эрнста почему-то получились очень длинные руки.

— Это я?

— Да.

— Почему руки до колен?

— Ты высокий.

— Настолько?

Вилли рассмеялся.

— А где мама?

— Вот.

— Почему у неё волосы зелёные?

— Коричневый карандаш сломался.

Грета, услышав из кухни, сказала:

— Я всегда подозревала, что мне идёт зелёный.

Вилли дорисовал рядом маленький квадрат.

— Это дом.

— А это? — Эрнст показал на чёрную линию.

— Дорога.

— Куда?

— К поезду.

Пока родители были на регистрации, Ханна сидела у фрау Майер этажом выше и пыталась читать. Книга лежала открытой на коленях уже минут двадцать, но она трижды возвращалась к одному абзацу. Йонас сначала возил поезд по краю ковра, потом построил из двух табуреток станцию и требовал, чтобы пассажиры пересаживались «на Ригу». Он услышал это название где-то от взрослых и не понимал, почему Ханна каждый раз просит говорить тише.

— А где Рига? — спросил он.

— Далеко.

— Дальше Гамбурга?

— Наверное.

— Там есть море?

Ханна пожала плечами. Она знала из школьного атласа, где находится Латвия, но не хотела доставать карту. Последние месяцы география перестала быть школьным предметом: названия городов всё чаще появлялись в разговорах взрослых с таким выражением, будто сами места могли быть опасными.

Когда Исаак и Рут вернулись, Йонас сразу побежал вниз. Ханна задержалась у двери фрау Майер и увидела, как мать снимает перчатки. Рут делала это медленно, по одному пальцу, хотя в квартире было тепло.

— Что они хотели? — спросила Ханна.

— Сведения.

— Какие?

Исаак ответил раньше матери:

— Всё, что уже знают.

Он улыбнулся, но улыбка исчезла раньше, чем Ханна успела решить, поверила ли ему. За ужином говорили о картофеле, о закрытой типографии, о том, что в комнате Йонаса опять холодно от окна. Только поздно вечером Ханна увидела, как отец пересчитывает книги на полке. Один раз. Потом второй. Три книги он снял, подержал в руках и поставил

обратно.

— Что ты делаешь?

— Проверяю собственную память.

— И как?

Исаак посмотрел на тридцать семь корешков.

— Сегодня она оказалась немного лучше списка.

Эрнст на мгновение вспомнил таблицу. Там не было зелёных волос, сломанных карандашей, домов и дорог. Только страны и числа. Он прогнал мысль. До Ваннзее оставалось семь дней.

Глава 5

Исключения

Берлин, 16 января 1942 года

В папке было слишком много слов, определявших, насколько человек принадлежит самому себе. Эрнст получил её утром вместе с пометкой о подготовке материалов к совещанию на Ваннзее. Толстая, тяжёлая, с несколькими закладками. Нюрнбергские законы. Смешанные браки. Лица смешанного происхождения первой степени. Второй степени. Исключения. Особые случаи. Возможность стерилизации. Разводы. Статус детей. Он положил папку на стол и несколько секунд просто смотрел.

— Юристы развлекаются, — сказала фрау Шмидт.

— Это не развлечение.

— Для них иногда похоже.

— Вы несправедливы к юристам.

— Я печатала их письма. Имею право.

Она вставила лист в машинку. Эрнст открыл папку. Некоторые формулировки были настолько сложными, что приходилось возвращаться к началу абзаца. Если один из супругов еврей, другой — нет. Если дети крещены. Если брак заключён до определённой даты. Если один из родителей имеет определённое происхождение. Если человек служил на фронте. Если существуют заслуги перед государством. Право пыталось разложить жизнь на клетки, но жизнь упорно не помещалась.

В материалах несколько раз встречалась фамилия Вильгельма Штуккарта — человека, хорошо знавшего правовую конструкцию расовых законов. Эрнст прочёл один абзац, затем ещё раз.

— Я не понимаю.

— Что именно? — спросила фрау Шмидт.

— Если человек женат на нееврейке, один порядок. Если есть дети — другой. Если жена умерла — третий. Если развёлся — ещё один.

— Я предупреждала насчёт головной боли.

— Если речь только о переселении, почему так важно, кто на ком женат?

Стук машинки прекратился. Фрау Шмидт посмотрела на дверь.

— Не знаю.

— Вот именно.

— Не задавайте этот вопрос вслух.

— Я его вам задаю.

— Тем более.

Она снова начала печатать, но медленнее. Эрнст листал документы дальше. На полях стояли ссылки на другие постановления. За каждым исключением следовало уточнение. За уточнением — ещё одно. Иногда ему казалось, что весь аппарат занят не тем, чтобы сформулировать правило, а тем, чтобы заранее закрыть любую возможность человека случайно оказаться вне него. В обеденном перерыве он вышел в коридор. У окна курили двое сотрудников.

— Что у вас сегодня? — спросил один.

— Расовые вопросы.

— Соболезную.

— Почему?

— Потому что там всегда десять страниц, чтобы объяснить одно предложение.

— И всё равно остаются исключения.

— На то и чиновники.

Мужчина засмеялся. Разговор был обычным. Именно это начинало беспокоить Эрнста. Вещи, которые несколько лет назад казались бы невероятными, теперь обсуждались тем же тоном, что тарифы или визы. В доме Розенфельдов в тот вечер тоже говорили о правилах. Ханна пыталась спрятать три книги. Сначала решила положить их за заднюю стенку

шкафа. Исаак покачал головой.

— Слишком очевидно.

— Для кого очевидно?

— Для человека, который будет искать.

— А кто сказал, что будут искать?

— Никто.

— Тогда зачем мы это делаем?

Рут, штопавшая у окна носок Йонаса, подняла голову.

— Хороший вопрос.

Исаак прошёлся по комнате.

— Можно в мастерской.

— Там проверки вероятнее, — сказала Рут.

— В подвале?

— Сырость.

Ханна прижала книги к груди.

— Вы оба ведёте себя так, будто я прячу государственную тайну.

— Для тебя, кажется, важнее, — сказал Исаак.

— Особенно Гейне.

— Не смейся.

— Я не смеюсь.

Йонас сидел на полу и катал поезд между ножками стола.

— Спрячь в мой ящик.

— Какой?

— Где игрушки.

Ханна посмотрела на деревянный ящик, который Йонас

никогда не закрывал и который любой проверяющий заметил бы первым.

— Гениально.

— Почему?

— Потому что никто не догадается искать спрятанное там, где всё видно.

Йонас задумался.

— Правда?

— Нет.

В конце концов книги завернули в старую ткань и спрятали в нише за полкой, где когда-то проходила труба. Исаак снял две доски, Ханна подержала свечу. Внутри было пыльно.

— Гейне будет недоволен, — сказала Рут.

— Он переживёт, — ответила Ханна.

Все замолчали на секунду. Фраза прозвучала неудачно. Ханна первой отвела взгляд. Позже, когда ужинали, она рассказала, что на соседней улице забрали Фридманов.

— Каких Фридманов? — спросил Исаак.

— Роза. У неё муж Самуэль и девочка Лея.

— Откуда знаешь?

— Марта сказала. Они жили через два дома от её тётки.

Рут положила ложку.

— С детьми?

— Да.

— Куда?

— Не знаю.

— Когда?

— Ночью.

Йонас поднял голову.

— А дети будут учиться там?

Никто не ответил. Он посмотрел сначала на мать, потом на отца.

— Ну?

Исаак почувствовал, как мало у взрослого человека слов, когда нужно объяснить ребёнку то, чего сам не понимаешь.

— Может быть, — сказал он.

Ханна быстро посмотрела на него. Йонас удовлетворился.

— Тогда Лея может взять книги.

— Какие книги? — спросила Рут.

— Школьные.

— Может.

Он снова занялся поездом. Рут тихо сказала:

— Не надо было говорить «может быть».

— А что надо?

Она не ответила. На следующий день Эрнст увидел транспортные бумаги. Ничего необычного по форме. Количество людей. Станции. Согласования. Сроки. Требования к вагонам. Переписка между учреждениями. Такие бумаги могли относиться к солдатам, рабочим, заключённым, эвакуированным. Но теперь рядом лежали материалы о смешанных браках и стерилизации. Он попытался соединить одно с дру-

гим. Если людей просто переселяют, зачем так тщательно решать, кто является евреем на половину, кто на четверть, кто женат на ком и какие дети родились от этого брака?

Он открыл папку ещё раз. Фрау Шмидт заметила.

— Вы всё ещё там?

— Да.

— Вы ничего хорошего не найдёте.

— Я не ищу хорошее.

— А что?

Эрнст задумался.

— Логику.

— Это ещё опаснее.

Вечером за ужином Грета спросила:

— Почему ты такой молчаливый?

— Устал.

— Это не усталость.

Эрнст посмотрел на Вилли. Сын сосредоточенно вылавливал из супа морковь, которую не любил, и складывал на край тарелки.

— На работе обсуждают переселения.

Грета села напротив.

— Кого?

— Евреев.

— Куда?

— На Восток.

— Всех?

— Не знаю.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем вообще переселять людей?

Эрнст открыл рот и не ответил. До этого он спрашивал себя о методах, категориях, исключениях. Почему один брак считается иначе, чем другой. Почему транспортные требования меняются. Почему в документах столько юридических уточнений. Грета спросила проще. Зачем вообще? Вилли поднял глаза.

— Кого переселяют?

— Ешь, — сказала мать.

— Я ем.

— Тогда не слушай взрослых.

— Я могу есть и слушать.

Эрнст неожиданно улыбнулся.

— Это правда.

Грета не улыбнулась. После ужина она мыла посуду, а он вытирал. Некоторое время молчали.

— Ты знаешь этих людей? — спросила она.

— Каких?

— Которых переселяют.

— Нет.

— Совсем никого?

Эрнст подумал. До войны он иногда пользовался услугами еврейского портного. В университете был преподаватель, о

происхождении которого позже говорили шёпотом. Сосед по прежней квартире.

— Когда-то знал.

— И где они теперь?

— Не знаю.

Грета вытерла руки.

— Вот это меня и пугает.

В тот же день в квартире Келлеров Грета перебирала детскую одежду Вилли. Из нескольких рубашек он вырос, но выбрасывать ткань она не собиралась: хорошие пуговицы можно было перешить, воротники — заменить, рукава — удлинить полосой другой материи. Вилли сидел на полу и пытался заставить деревянный поезд пройти между ножками стула.

Эрнст наблюдал за ним, пока снимал ботинки. После рабочего дня слово «исключение» не выходило из головы. В министерских бумагах оно означало юридический статус, степень родства, наличие супруга определённого происхождения, возраст. Здесь, дома, исключение означало бы что-то совсем другое: если бы из класса Вилли вдруг забрали всех детей, кроме нескольких, никакая таблица не объяснила бы ему, почему один ребёнок остаётся, а другой исчезает.

— Ты сегодня какой-то молчаливый, — сказала Грета.

— Устал.

— Это удобный ответ.

Он посмотрел на неё.

— А неудобный?

Грета сложила рубашку.

— Что ты думаешь о том, с чем работаешь.

Эрнст хотел сказать, что ничего особенного. Что его дело — бумага. Что решения принимают выше. Но фраза уже слишком часто приходила в голову сама, и именно поэтому он не произнёс её.

Вилли поднял вагон.

— Папа, почему этот едет, а этот нет?

— Колесо заедает.

— Почини.

Эрнст взял игрушку и долго возился с маленькой осью. Простая поломка успокаивала: здесь причина была видна, и если сделать правильно, результат можно проверить сразу.

Ночью Эрнст долго не спал. Он понял, что всё время принимал исходное решение как уже существующее условие задачи. Есть переселение — значит, нужно решить транспорт. Есть категории — значит, нужно определить исключения. Есть приказ — значит, требуется исполнение. Работа чиновника приучала начинать со второго пункта. Вопрос Греты находился до первого. Зачем вообще переселять людей? С этого вечера он начал возвращаться к Эрнсту всякий раз, когда на стол ложилась очередная папка.

Глава 6

Накануне

Берлин — Ванзее, 19 января 1942 года

В понедельник утром Адольф Эйхман ещё раз проверял списки участников и статистические материалы. Пятнадцать человек. Папки. Повестка. Таблицы по странам. Несколько комплектов справок, подготовленных для тех, кому предстояло сидеть за длинным столом у озера. Никакой торжественности. Совещание должно было занять несколько часов, после чего каждый вернётся в своё ведомство и продолжит работу. Эрнст Келлер видел только часть подготовки. Ему поручили передать материалы Министерства иностранных дел и проверить приложения. К полудню он уже устал от одних и тех же формулировок: «эвакуация», «переселение», «окончательное решение», «особые случаи».

Одни и те же слова появлялись в разных папках, но всякий раз означали немного разное. В одном документе «переселение» было вопросом транспорта, в другом — имущества, в третьем — правового статуса супругов. Эрнст начал замечать, что чем больше ведомств подключалось, тем меньше в бумагах оставалось самого человека. По дороге между зданиями он увидел женщину с жёлтой звездой. Она стояла у витрины закрытого магазина и поправляла варежку маленькому мальчику. Тот капризничал и всё время выдёргивал руку.

— Стой спокойно, — сказала женщина.

Мальчик что-то ответил, и она наклонилась к нему. Эрнст поймал себя на том, что сначала заметил звезду и только

потом лицо. Это задело сильнее, чем он ожидал. Знак стал первым признаком, как форма или нашивка. Человек шёл следом. Женщина подняла глаза. Их взгляды встретились, и Эрнст почти сразу отвернулся. Через несколько шагов он пожалел об этом. Хотел оглянуться, но не сделал. В кабинете фрау Шмидт разбирала транспортную переписку. Несколько листов лежали в разных стопках.

— Посмотрите, — сказал Эрнст.

— На что?

Он положил перед ней документ.

— Здесь станция отправления. Здесь количество. Здесь сроки. Здесь согласование с железной дорогой. А где место, куда людей действительно привезут жить?

Она просмотрела лист.

— Указан пункт назначения.

— Это станция.

— Келлер, я не понимаю, чего вы хотите.

— Я тоже.

Он взял другую бумагу.

— Мы собираемся обсуждать миллионы людей. В документах есть маршруты, вагоны, категории. Но нет домов. Нет адресов после прибытия. Нет того, что обычно бывает, когда людей переселяют.

Фрау Шмидт долго смотрела на него. Потом закрыла дверь кабинета.

— Мой брат написал с Востока.

Эрнст поднял голову. Она редко говорила о семье.

— Карл?

— Да.

— Что пишет?

Она открыла ящик стола, но письмо не достала. Ладонь несколько секунд лежала на краю.

— В ноябре была одна фраза. Я тогда решила, что он просто устал или что-то неправильно понял.

— Какая?

Фрау Шмидт сказала почти шёпотом:

— «Не верь всему, что говорят дома о переселениях».

Эрнст почувствовал, как в комнате стало холоднее, хотя батарея работала.

— И всё?

— Всё.

— Вы спрашивали, что он имеет в виду?

— В письмах не спрашивают такие вещи.

Она посмотрела на закрытую дверь.

— Особенно если брат пишет с Востока.

Эрнст сел.

— Может быть, он говорил о тяжёлых условиях.

Фрау Шмидт усмехнулась без веселья.

— Вот и вы начали.

— Что?

— «Может быть».

Он ничего не ответил. В доме Розенфельдов этот вечер

был почти обычным. Рут сварила картофель и разделила остаток масла на четыре маленьких кусочка. Йонас рассказывал, что один мальчик во дворе утверждал, будто поезда на Восток идут до самого моря.

— Какого моря? — спросила Ханна.

— Большого.

— Очень точно.

— Он сказал, там потом можно увидеть корабли.

— Кто сказал?

— Макс.

— Макс вчера говорил, что его дядя видел Гитлера в булочной.

— Это неправда.

— Вот именно.

Йонас насупился.

— А мы когда-нибудь снова поедem на море?

Исаак ответил слишком быстро:

— Обязательно.

Ханна подняла глаза. Отец заметил.

— Что?

— Ничего.

Она всё чаще замечала, что взрослые отвечают детям раньше, чем успевают подумать. Как будто скорость ответа могла сделать его правдой. После ужина Йонас достал паровоз. Одно колесо снова заедало. Исаак перевернул вагон, покрутил ось.

— Надо разобрать.

— Сейчас.

— Завтра.

— Ты вчера говорил завтра.

Ханна невольно сказала:

— Всё у нас теперь завтра.

Рут нахмурилась.

— Не начинай.

— Я ничего не начинаю.

Исаак положил игрушку на стол.

— Завтра почию. Правда.

Йонас недоверчиво посмотрел, но согласился. Позже, когда мальчик уснул, Ханна помогала матери убрать посуду. Потом подошла к отцу. Исаак сидел у окна, пытаясь читать газету при слабом свете.

— Папа.

— Что?

— Если разрешат взять одну вещь, что ты возьмёшь?

Он опустил газету.

— Куда?

— Просто. Если одну.

— Я бы взял вас.

— Это не вещь.

— Тогда очки. Без них я бесполезен.

— А если очки не считаются?

— Тогда вторые очки.

Ханна улыбнулась.

— Я книгу.

— Синюю?

Она кивнула.

— Почему именно её?

— Потому что она моя.

Исаак посмотрел на дочь дольше обычного.

— Хорошая причина.

Рут, услышав из кухни, сказала:

— Вы оба говорите так, будто уже собираетесь в дорогу.

Ханна пожала плечами.

— Все вокруг куда-то едут.

— Мы никуда не едем.

Рут сказала это твёрдо. Настолько твёрдо, что никто не стал продолжать. В квартире Келлеров Грета ждала мужа в спальне. Вилли уже спал. На стуле лежала его рубашка, приготовленная на утро.

— Ты говорил, что сегодня придёшь раньше.

— Задержали.

— Завтра то совещание?

Эрнст удивился.

— Какое?

— Из-за которого ты неделю ходишь с таким лицом.

Он снял пиджак.

— Я не хожу с каким-то лицом.

— Ходишь.

— Каким?

— Как будто всё время слушаешь разговор в соседней комнате.

Эрнст сел на край кровати.

— Да. Завтра.

— Ты участвуешь?

— Нет. Там люди гораздо выше меня.

— Тогда почему переживаешь?

Он долго молчал.

— Сегодня фрау Шмидт сказала одну вещь.

— Какую?

Эрнст рассказал про письмо Карла. Не дословно сначала, но Грета попросила повторить фразу.

— «Не верь всему, что говорят дома о переселениях».

Она села рядом.

— И что это значит?

— Не знаю.

— Правда?

— Да.

— Или не хочешь знать?

Эрнст устало провёл ладонью по лицу.

— Вот этого я и боюсь.

— Чего?

— Узнать достаточно, чтобы потом уже нельзя было сказать: я не знал.

Грета не стала утешать.

— А сейчас ты знаешь?

— Нет.

— Тогда завтра узнаешь?

— Возможно.

Он произнёс слово и вспомнил фрау Шмидт. В Ваннзее гостевой дом стоял тёмный. На кухне были приготовлены продукты, в кладовой проверены напитки, в зале лежали чистые скатерти и блестела посуда. Пятнадцать стульев ждали утра. До начала совещания оставалось меньше двенадцати часов.

Глава 7

За закрытой дверью

Ваннзее — Берлин, 20 января 1942 года

К полудню снег стал гуще. Фридрих Бергер несколько раз выходил на крыльцо расчистить ступени. Следы от автомобилей быстро запорошило, и через час уже трудно было понять, сколько машин стояло у входа утром. Озеро за белой пеленой почти исчезло. Дом казался отрезанным от города, хотя до центра Берлина было совсем недалеко. В зале говорили уже больше часа.

Фридрих знал только, что совещание ведёт Гейдрих. Когда нужно было войти с графином, он видел его во главе стола: спокойного, собранного, уверенного в своём праве задавать направление разговора. Перед участниками лежали таблицы и справки. Несколько человек делали заметки. Кто-то

откинулся на спинку стула, кто-то держал карандаш над листом, ожидая своей очереди говорить. Фридрих ставил воду и старался двигаться бесшумно. Он слышал отдельные слова.

«Полномочия». «Эвакуация». «Восток». «Категории». Этого было недостаточно, чтобы понять разговор. Гейдрих ссылаясь на поручение Геринга и говорил о необходимости координации ведомств в рамках «окончательного решения еврейского вопроса». Само решение не возникало здесь впервые. На оккупированных территориях уже происходили массовые убийства, депортации уже шли, тысячи людей уже были изгнаны из домов. За столом не обсуждали, начинать ли это. Обсуждали, как различным учреждениям работать согласованно.

Когда дошли до статистики, на столе появился список европейских стран и количества евреев в каждой из них. Около одиннадцати миллионов. Цифра была столь велика, что переставала восприниматься как сумма отдельных людей. Она становилась масштабом задачи. Один из участников поправил лист, другой переспросил о числе в определённой стране. Разговор оставался профессиональным. Никто не повышал голос. Спорили о деталях.

Дальше речь шла о депортации на Восток, об использовании трудоспособных на работах, о том, что часть людей не переживёт условия труда. Обсуждали правовые сложности смешанных браков и тех, кого расовое законодательство

относило к промежуточным категориям. Штуккарт говорил языком юриста — точным, перегруженным оговорками. Бюлер настаивал на скорейших мерах в Генерал-губернаторстве, где, по его словам, практические условия позволяли действовать быстрее.

Реплики отличались по тону, но не по исходной предпосылке: люди, о которых шла речь, рассматривались как объект административного решения. В коридоре Фридрих ничего этого не знал. Он вышел на кухню. Фрау Крюгер открыла духовку и недовольно ткнула мясо вилкой.

— Если ещё полчаса, будет сухое.

— Подайте позже соус, — предложил Фридрих.

— Я повар, а не волшебница.

Помощница поставила на стол миску с картофелем.

— Может, они вообще не будут есть?

Фрау Крюгер посмотрела на неё с возмущением.

— Люди из министерств всегда едят.

После очередного входа с кофе Фридрих заметил, что несколько участников уже сняли пиджаки или расстегнули воротники. Совещание постепенно приобретало вид долгой рабочей встречи. Таблицы передвигали по столу, карандаши оставляли на блюдах, один из гостей попросил окно приоткрыть на минуту из-за духоты. Ничто не напоминало тайный заговор в том виде, как его потом могли бы представить люди, не видевшие подобных ведомственных заседаний. Именно обычность происходящего делала дом таким спокойным.

Фридрих собрал пустые чашки. На одной салфетке кто-то написал несколько цифр и перечеркнул. Он машинально хотел выбросить её, но участник протянул руку:

— Оставьте.

— Простите.

Салфетка вернулась на стол. Фридрих вышел, не прочитав написанного.

На кухне время определяли по состоянию еды. Соус густел. Картофель приходилось держать тёплым. Фрау Крюгер ворчала всё громче, но когда наконец поступило распоряжение подавать, она мгновенно перестала жаловаться и выстроила тарелки так тщательно, словно от этого зависела репутация всего дома.

Во время короткого перерыва участники вышли в соседнюю комнату. Кто-то закурил. Один мужчина рассказывал другому о поездке, третий спросил, где можно позвонить. Фридрих видел, как они берут хлеб, накладывают мясо, пробуют вино. Он запомнил не лица, а жесты: кто солил, не попробовав; кто крошил хлеб; кто аккуратно складывал салфетку после еды. Позже именно это будет возвращаться чаще содержания разговора, которого он почти не слышал.

Из зала вдруг донёсся смех. Кухарка замерла, прислушиваясь.

— Весело у них.

Фридрих пожал плечами.

— Может, кто-то пошутил.

— На совещании?

— На совещаниях тоже люди.

Она закрыла духовку.

— Тогда пусть люди быстрее заканчивают.

В Берлине семья Розенфельдов обедала почти в то же время. Рут очистила несколько картофелин и сварила их в кожуре, чтобы меньше терять. Исаак отрезал каждому по куску хлеба. Ханна читала до самого обеда, пока мать не забрала книгу со словами, что за столом нужно смотреть на людей, а не на страницы. Йонас сделал из старой бумаги самолёт и, когда Рут отвернулась, запустил его через кухню. Самолёт описал дугу и упал прямо в миску с картофельной кожурой.

— Йонас!

Рут схватила мокрую бумагу.

— За столом не играют.

— Он сам туда полетел.

— Конечно.

Ханна рассмеялась. Исаак взял самолёт, расправил мокрое крыло.

— Хороший самолёт должен уметь выбирать место посадки.

— Тогда сделаю другой.

— После еды.

— А если сделать крыло длиннее, он полетит дальше.

— Если сделать слишком длинным, будет падать.

— Почему?

Исаак взял чистый уголок бумаги и показал, как сгибать. Несколько минут они спорили о форме крыла. Ханна наблюдала за отцом. Ещё утром он был напряжён, когда пришла почта. Теперь говорил с Йонасом о бумажных самолётах так серьёзно, будто ничего другого не существовало. Она поняла: обычный разговор не отменяет страха. Он просто не позволяет страху занять всю комнату.

— Папа, — сказала она, — ты обещал поезд починить.

Йонас сразу подхватил:

— Обещал.

— После обеда, — ответил Исаак.

— Правда?

— Правда.

— Сегодня?

— Сегодня.

Рут улыбнулась.

— Зафиксировано при свидетелях.

В Ванзее совещание подходило к завершению. Фридрих услышал звонок и вошёл убирать часть посуды. Участники теперь разговаривали небольшими группами. Кто-то уже закурил, хотя ранее просили ждать. На столе лежали исписанные листы, карандаши, стаканы воды. Один стул оказался отодвинут далеко назад, другой стоял криво. Официальная часть постепенно сменилась обедом. Подали горячее. Потом кофе. В малой гостиной появились коньяк и вино. Разговоры стали свободнее. Фридрих слышал отдельные слова: «компе-

тенция», «исключения», «транспорт», «смешанные браки».

Он не связывал их между собой. Запомнил другое. Один гость попросил ещё хлеба. Другой похвалил соус. Третий рассказывал о трудной дороге из центра из-за снега. Несколько человек обсуждали, сколько времени займёт возвращение.

— Кофе хороший, — сказал кто-то Фридриху.

— Спасибо, господин государственный секретарь.

Фридрих едва удержался, чтобы не передать похвалу фрау Крюгер немедленно. После трёх начали разъезжаться. Он подавал пальто и перчатки. На улице один за другим заходились автомобили. Двери хлопали, шины хрустели по снегу. Гости прощались коротко, как после любого делового заседания. Эйхман вышел позже многих. Под мышкой снова была папка, теперь толще из-за записок. Через полчаса дом опустел. В зале оставались чашки с кофейным осадком, пепельницы, пятна от вина и табака. Фрау Крюгер вошла, оглядела стол.

— Ну вот. А я боялась за мясо.

— Не зря.

— Съели всё.

Она сказала это с профессиональным удовлетворением. Фридрих снял скатерть. Под ней стол был чистым. На вилле в тот день не было выстрелов. Никого не били, не тащили силой, не было крови. Пятнадцать образованных мужчин обсуждали вопросы службы в тёплом помещении, после че-

го пообедали и разъехались. Вечером Фридрих сел на электричку. Напротив него женщина держала корзину с овощами, мужчина дремал, прислонившись к окну. Фридрих вспоминал, что нужно купить картофель. О совещании думал мало.

Лишь много лет спустя, когда слово «Ваннзее» приобретёт другой смысл, он будет пытаться вспомнить выражения лиц, голоса, разговоры. Но ярче всего останется обычность. Тёплая комната. Кофе. Снег за окном. И стол, который после отъезда гостей нужно было просто убрать.

Глава 8

Протокол

Берлин, 21–23 января 1942 года

После совещания остались записи. Не стенограмма. Не дословный отчёт. Не попытка сохранить каждую реплику. Эйхман собирал заметки, приводил их в порядок, соединял выступления в последовательный текст. То, что в комнате звучало резче, в бумаге становилось ровнее. Формулировки проверялись, сокращались, заменялись. Гейдрих редактировал текст так, чтобы его можно было разослать участникам как официальный итог совещания. Из живого разговора создавался документ.

Эрнст увидел одну из промежуточных копий и сперва испытал облегчение. На бумаге не было ничего похожего на то, чего он боялся после разговора с фрау Шмидт. Никаких пря-

мых приказов убивать. Никаких описаний расстрелов. Никаких слов, от которых человек инстинктивно отодвигает страницу. «Эвакуация на Восток». «Использование пригодных к труду». «Естественное сокращение». Фразы выглядели административно. Он прочёл страницу ещё раз.

Облегчение исчезло. Фрау Шмидт заметила выражение его лица.

— Что?

— Ничего не написано прямо.

— И?

— Но от этого не легче.

Она подошла, взяла лист. Прочла несколько абзацев.

— Может быть, мы додумываем.

Эрнст посмотрел.

— Вы сами ругали меня за эти слова.

— Я знаю.

— «Может быть».

— А что вы хотите? Чтобы здесь было написано всё так, как вам страшно представить?

— Нет.

— Тогда не ищите в бумаге того, чего там нет.

Она вернула лист.

— И не делайте вид, что нет того, что там есть.

Эрнст перечитал. Это было точнее. В таблице снова стояли страны и цифры. Те самые почти одиннадцать миллионов. Дальше — смешанные браки, категории, исключения.

Текст создавал ощущение последовательности: определить группы, установить порядок, согласовать ведомства. Он подумал о женщине с мальчиком у закрытой витрины. В таблице она существовала где-то внутри числа. Мальчик тоже. В доме Розенфельдов тем временем стало холоднее. Хозяин здания отказался увеличивать отопление.

Исаак встретил его на лестнице.

— В детской ночью почти как на улице.

— Ничего не могу сделать. Нормы.

— У нас ребёнок.

— У всех сейчас трудно.

— У вас тепло.

Мужчина посмотрел на жёлтую звезду. Не зло. Скорее устало.

— Не заставляйте меня объяснять вещи, которые вы и так понимаете.

Исаак вернулся домой молча. Рут сразу поняла, что разговор не удался.

— Отказал?

— Нормы.

— Конечно.

Йонас сидел в пальто прямо за столом.

— Мне не холодно.

— Тебе нос красный, — сказала Ханна.

— Потому что я его тёр.

— Почему тёр?

— Потому что холодно.

Все рассмеялись, даже Исаак. На следующий день он исчез из дома на несколько часов. Вернулся без карманных часов, которые носил много лет, но с мешком угля. Ханна заметила первой.

— Где часы?

Исаак поставил мешок у печи.

— Обменял.

— Те самые?

— Других у меня нет.

Часы достались ему от отца. Старые, на цепочке. В детстве Ханна любила прикладывать их к уху и слушать тихое тиканье. Исаак никогда не позволял ей заводить механизм самой, пока ей не исполнилось десять. Теперь карман жилета был пуст.

— Жалко? — спросила она.

— Часов?

— Да.

— Жалко детей, когда им холодно. Часы — вещь.

Он сказал просто. Но вечером Ханна несколько раз видела, как отец машинально тянется к карману, словно хочет проверить время. Пальцы встречали пустую ткань. Каждый раз Исаак быстро убирал руку. Уголь дал комнате тепло. Рут поставила чайник и впервые за несколько дней позволила Йонасу снять второй свитер.

— Вот видишь, — сказал Исаак Ханне. — Часы работают

даже без часов.

— Это ужасная шутка.

— Я старался.

В министерстве рабочие материалы будущего протокола продолжали ходить между кабинетами. Окончательная рассылка ещё не была завершена. Эрнст не знал, сколько экземпляров будет изготовлено и какой попадёт в их ведомство. Пока существовали черновики, правки, копии отдельных страниц. Именно это усиливало тревогу. Совещание закончилось. Участники разъехались. Но разговор не исчез. Он превращался в документ, пригодный для дальнейшей работы учреждений.

Эрнст смотрел, как секретарша перепечатывает исправленную страницу. Ошибка — лист в сторону. Новая страница. Чистая. Ровная.

— Странно, — сказал он.

Фрау Шмидт не подняла головы.

— Что теперь?

— Разговор был один день. А бумага останется.

— Для этого и существует бумага.

Он подумал, что именно это и беспокоит. Вечером Ханна сидела с синей книгой у печи. Йонас лежал на животе и катал поезд по половицам.

— Зачем вообще пишут книги? — неожиданно спросил он.

— Чтобы читать.

— Это я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Если человек сказал что-то, можно просто запомнить.
Ханна подумала.

— Сказанное исчезает быстрее.

— А написанное?

— Может остаться.

Исаак, сидевший у стола и пытавшийся починить застёжку на ботинке, поднял голову.

— Иногда дольше, чем хотел тот, кто написал.

Ханна улыбнулась.

— Это хорошо или плохо?

— Смотря что написано.

Йонас повернул поезд.

— А если плохое?

Исаак задумался.

— Тогда хорошо, если потом кто-то увидит, что оно было плохим.

— Не понимаю.

— И я не уверен, что понимаю.

Рут сказала:

— Оставьте философию и помогите накрыть стол.

Эрнст задержался в кабинете после ухода большинства сотрудников. В коридорах стало тихо, только где-то дальше ещё стучала машинка. Черновые листы лежали перед ним без особого порядка: пометки, исправления, формулировки,

которые менялись от версии к версии. Он замечал, как резкое выражение превращалось в нейтральное, прямое — в административное. Это было обычной работой любого ведомства: привести текст к форме, которую можно разослать по учреждениям. Но впервые сама аккуратность языка тревожила его.

Фрау Шмидт вернулась за забытыми перчатками.

— Вы ещё здесь?

— Хотел закончить регистрацию.

Она посмотрела на бумаги.

— Вы же не составляете протокол.

— Нет.

— Тогда зачем читаете?

Эрнст провёл пальцем по строке, не касаясь текста.

— Пытаюсь понять разницу между тем, что говорили, и тем, что останется на бумаге.

Фрау Шмидт взяла перчатки.

— А вы знаете, что говорили?

— Нет полностью.

— Тогда сравнить не сможете.

Она была права. Он раздражённо закрыл папку. Но по дороге домой продолжал думать о том, что государственный документ редко сохраняет интонацию, паузу, усмешку или молчание. Он сохраняет только то, что пригодно для дальнейшей работы.

Никто из них не знал, что в нескольких километрах от

квартиры готовился документ, который получит номер, уйдёт в архив и спустя годы окажется важнее многих речей, произнесённых за закрытой дверью.

Глава 9

Маршрут

Берлин, 23 января 1942 года

После Ваннзее слово «Восток» стало встречаться Эрнсту чаще. Раньше оно было направлением на карте. Теперь к нему добавились номера поездов, станции, сроки подачи вагонов, списки, согласования. На одном документе стояло точное время отправления. Эрнст долго смотрел на цифры. У слова появился час. Фрау Шмидт заметила.

— Что опять?

— Ничего. Просто раньше «переселение» было общим словом. Теперь поезд должен отправиться в конкретное время.

— Любой транспорт имеет расписание.

— Знаю.

Она взяла лист.

— И любой поезд откуда-то отправляется и куда-то приезжает.

— Вот именно.

— Келлер, вы сами себя пугаете.

— Возможно.

Она хотела возразить на знакомое слово, но не стала. Каж-

дый документ касался только своего участка. Железная дорога отвечала за состав. Полиция — за людей. Финансовое ведомство — за имущество. Муниципальные службы — за квартиры. Министерства согласовывали исключения и компетенции. Ни в одной бумаге не находилось всего процесса сразу. Каждый мог сказать: это только моя часть. Эрнст тоже. В тот же день в квартиру Розенфельдов постучали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.